

Актуальные вопросы частного права

УДК 347.61/.64

DOI: 10.26456/vtpravo/2024.1.007

О СПЕЦИФИКЕ СОДЕРЖАНИЯ РОДИТЕЛЬСКОГО ПРАВООТНОШЕНИЯ ПРИ РАЗДЕЛЬНОМ ПРОЖИВАНИИ РЕБЕНКА С ОДНИМ ИЗ РОДИТЕЛЕЙ

А.В. Гринева

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», г. Курск

Автор исследует родительское правоотношение при раздельном проживании ребенка с одним из родителей, акцентируя внимание на содержании родительских прав и обязанностей каждого из родителей. Особо автор подчеркивает правовые последствия ненадлежащего осуществления родительских прав и обязанностей каждым из родителей. Научная новизна исследования подтверждается принципиально новым подходом к исследованию: в отличие от позиции большинства ученых автор впервые выявляет и обосновывает особенности содержания родительского правоотношения при таких социальных обстоятельствах в контексте правовых последствий раздельного проживания ребенка с одним из родителей. Кроме того, изучение материалов современной правоприменительной практики позволило автору сделать вывод, что раздельное проживание одного из родителей с ребенком и осуществление родительских прав в неполном объеме может стать основанием для лишения этого родителя отдельных прав, основанных на факте родства с ребенком.

***Ключевые слова:** родительское правоотношение, родитель, проживающий отдельно, осуществление родительских прав, лишение отдельных родительских прав.*

Родительское правоотношение как правоотношение между родителями и несовершеннолетним ребенком имеет достаточно императивный формат с точки зрения оснований возникновения и прекращения, предусмотренных Семейным кодексом Российской Федерации (далее – СК РФ). Содержание данного правоотношения, т. е. права и обязанности родителей по воспитанию, образованию и содержанию ребенка определено законодателем тоже достаточно конкретно, при этом объективно объяснимо отсутствие исчерпывающего перечня родительских прав и обязанностей, что в то же время компенсируется провозглашением определенных принципов осуществления родительских прав. Специфика последних заключается в сочетании возможного и должного поведения родителей, что следует из содержания ст. 61 СК РФ «Родители имеют равные права и несут равные обязанности в отношении своих детей (родительские права)» [2].

Длительный характер существования родительского правоотношения (как правило, до достижения ребенком совершеннолетия), к сожалению, может сопровождаться различными обстоятельствами, повлекшими в том числе и раздельное проживание ребенка с одним из родителей. Представители науки семейного права достаточно часто обращаются к проблематике осуществления родительских прав при раздельном проживании ребенка с одним из родителей. При этом вектор исследований весьма подвижен. Большинство ученых полагает, что при раздельном проживании с ребенком родитель имеет ограниченный объем родительских прав, поскольку фактическое разлучение с ребенком лишает родителя многих возможностей [15]. По мнению С.В. Зыкова «поскольку фактически ребенок остается с отцом только в исключительных случаях (примерно в каждом десятом случае неполной семьи), проблемы определения порядка общения с отдельно проживающим родителем касаются именно отцов» [13].

Напомним, что в соответствии со ст. 38 Конституции Российской Федерации «Забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей», что предполагает не столько равенство непосредственно прав и обязанностей родителей, сколько равную степень ответственности родителей в осуществлении заботы о детях, обеспечении всестороннего духовного, нравственного, интеллектуального и физического развития детей, воспитании в детях патриотизма, гражданственности, уважения к старшим (ст. 67.1 Конституции РФ) [1]. Раздельное проживание ребенка с одним из родителей после расторжения брака, как правило, исследуется в юридической литературе в пределах осуществления соответствующим родителем права на общение с ребенком, некоторые авторы апеллируют при этом и к праву ребенка на общение с родителем [14]. Коллеги также предлагают обратиться к опыту Кодекса о браке и семье РСФСР, в ст. 56 которого предусматривалась обязанность родителя, проживающего отдельно от ребенка, принимать участие в воспитании несовершеннолетнего [12]. В действующей редакции ст. 66 СК РФ, напомним, речь идет о праве родителя, который проживает отдельно от ребенка, принимать участие в его воспитании. Вряд ли это «игра слов», мы полагаем, что принцип общности родительских прав и обязанностей, объединенных понятием «родительские права» в ст. 61 СК РФ, снимает соответствующие вопросы.

Поводом для соответствующих наших рассуждений стал анализ актуальных материалов правоприменительной практики, при этом обращает на себя внимание тенденция к опровержению фактического преимущества родителя, с которым проживает ребенок, в осуществлении родительских прав. Примечательно, что одна из историй стала основанием для подачи жалобы в Конституционный Суд

Российской Федерации (далее – КС РФ) [5], а предметом рассмотрения явилась ч. 1 ст. 137 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) в той мере, в которой на ее основании решается вопрос о привлечении одного из родителей ребенка к ответственности. Так, гражданин Вильке установил на смартфон своего сына мобильное приложение «родительский контроль», что позволяло отцу не только контролировать место нахождения своего сына, но и слышать все, что происходит в непосредственной близости с ребенком. Кроме того, хранение соответствующих аудиозаписей на телефоне самого гражданина Вильке фактически позволило ему собирать сведения о частной жизни других лиц (матери ребенка и ее родственников), составляющие их личную или семейную тайну, при отсутствии осведомленности данных лиц. Гражданин Вильке был признан виновным в совершении соответствующего преступления и осужден. Не вдаваясь в уголовно-правовую характеристику деяния данного лица, обратимся к семейно-правовым аспектам соответствующей истории.

Итак, в период рассмотрения судом дела о расторжении брака место жительства несовершеннолетнего сына было определено с матерью, в этот же период отец и установил соответствующее программное средство родительского контроля на смартфон ребенка. Как следует из материалов дела, полученные аудиозаписи и их стенограммы гражданин Вильке представил в ходе бракоразводного процесса, кроме того, он сделал соответствующее заявление в правоохранительные органы, обосновывая свое требование о привлечении матери своего сына к административной ответственности за ненадлежащее исполнение родительских обязанностей.

Очевидно, есть все основания признать, что гражданин Вильке руководствовался интересами ребенка, искренне заботясь о безопасности несовершеннолетнего, о соблюдении прав и интересов ребенка в период проживания с матерью.

В контексте наших рассуждений о содержании родительского правоотношения при раздельном проживании ребенка с одним из родителей полагаем значимым отметить следующие акценты, сделанные КС РФ в названном постановлении.

Во-первых, насколько принятое одним из родителей решение отвечает праву ребенка на неприкосновенность его частной жизни. Да, на момент рассмотрения настоящего спора ребенок достиг еще только семилетнего возраста, но вполне обоснованно указание на перспективу возможных конфликтов «по мере осознания ребенком автономности своей личности».

Во-вторых, поскольку законодатель исходит не только из принципа равенства прав и обязанностей родителей, но и необходимости разрешения родителями всех вопросов, связанных с воспитанием и образованием детей, по их взаимному согласию исходя из интересов

детей и с учетом мнения детей (п. 2 ст. 65 СК РФ), то при раздельном проживании родителей возможно возникновение споров между ними по поводу использования программных средств родительского контроля. Так, КС РФ подчеркивает, что в равной степени свои возражения может заявить не только родитель, с которым проживает ребенок, но и тот из родителей, который проживает отдельно, поскольку программное средство может использоваться в период его встреч с ребенком, будучи установленным по инициативе другого родителя.

В-третьих, применение программного средства родительского контроля, а именно функции прослушивания, определенным образом сопровождается негласным (скрытым) вмешательством в частную жизнь не только ребенка, но и как каждого из родителей, так и иных лиц, являющихся членами их семей, а также лиц, взаимодействующих с ребенком или соответствующим родителем, в том числе просто находящихся с ними в одном пространстве. «В связи с этим использование программного средства родительского контроля хотя и направлено на защиту интересов ребенка, – указывает КС РФ, – но объективно (в силу технических особенностей его функционирования) создает и определенную угрозу охраняемым Конституцией Российской Федерации правам и законным интересам других лиц» [5].

В-четвертых, несмотря на существующую угрозу нарушения права на личную и семейную тайну, неприкосновенность частной жизни третьих лиц приоритетом выступает все-таки забота родителя о ребенке, который проживает отдельно от него. При условии, что родитель, установивший соответствующее программное средство и получивший информацию о частной жизни третьих лиц, не предпринимает попыток получения информации именно такого содержания, а также умышленного ее распространения либо использования для причинения вреда данным лицам, сам факт использования программного средства не может свидетельствовать о наличии состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 137 УК РФ.

Представляется, что история гражданина Вильке демонстрирует нам такое понимание специфики родительских прав родителя, проживающего отдельно от ребенка, которое существенно отличается от сложившегося стереотипа. Согласимся, как правило, в судебном порядке или в соглашении родителей устанавливается порядок (место, продолжительность, периодичность и другие условия) встреч ребенка и родителя, проживающего отдельно от него, размер и порядок выплаты алиментов, возможно, что и дополнительных расходов. Таким образом, объем родительских прав отдельно проживающего родителя сужается до права на общение и обязанности содержать ребенка.

Следует признать, что законодатель исходит из принципа равенства прав родителей при раздельном проживании одного из них и ребенка, но в то же время как название соответствующей ст. 65 СК РФ

«Осуществление родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка», так и ее содержание позволяют сделать все-таки вывод иного характера. В указанной статье упомянуты лишь некоторые из родительских прав, а именно: «права на общение с ребенком, участие в его воспитании и решении вопросов получения ребенком образования» (п. 1 ст. 66 СК РФ); «право на получение информации о своем ребенке из образовательных организаций, медицинских организаций, организаций социального обслуживания и аналогичных организаций» (п. 4 ст. 66 СК РФ); право заключить с другим родителем соглашение о порядке осуществления своих родительских прав (п. 2 ст. 66 СК РФ); право обратиться в суд с требованием о передаче ему ребенка исходя из интересов ребенка и с учетом мнения ребенка, если родитель, с которым проживает ребенок на основании решения суда, злостно не выполняет данное решение (п. 3 ст. 66 СК РФ).

Означает ли это, что иные родительские права, предусмотренные ст. 63–64 и другими СК РФ, родитель утрачивает, поскольку проживает отдельно от ребенка? Очевидно, что нет. Но раздельное проживание родителей ребенка (в рамках настоящей статьи исследуются семейные правоотношения после расторжения брака родителей ребенка, что в большей степени и определяет соответствующий формат проживания ребенка) объективно исключает как взаимное согласие родителей по всем вопросам, связанным с воспитанием и содержанием ребенка, так и полноценное участие родителя, проживающего отдельно от ребенка, в жизни последнего, а также осуществление всех родительских прав в полном объеме.

Родитель, который проживает отдельно от ребенка, испытывает в большей степени волнение за ребенка, его физическое и психическое состояние, поскольку сам факт установления раздельного проживания может оказать на несовершеннолетнего сильное негативное воздействие, вызвать душевные переживания, стресс, депрессию и т. п. В связи с этим «естественное родительское стремление убедиться в том, что ребенку в конкретный момент не угрожает опасность», по мнению КС РФ, может обусловить даже систематическое использование родителем доступного и не запрещенного законом программного средства родительского контроля.

Со стопроцентной уверенностью можно предположить, что названный акт КС РФ будет цитироваться впредь в соответствующих исковых заявлениях и решениях судебных инстанций, поскольку до этого момента не только использование программного средства родительского контроля, но и какой-либо иной формат осуществления заботы о ребенке не были предметом исследования при рассмотрении судом споров между родителями, один из которых проживает отдельно от ребенка.

Более того, именно на родителя, с которым определено место жительства ребенка, закон возлагает обязанность не препятствовать общению ребенка с другим родителем, если такое общение не причиняет вред физическому и психическому здоровью ребенка, его нравственному развитию (п. 1 ст. 66 СК РФ). Представляется, что это завуалированное преимущество одного из родителей в осуществлении родительских прав, поскольку законодатель даже не презюмирует того, что родитель, с которым проживает ребенок, может причинять соответствующий вред. Да, безусловно, суд может принять решение о передаче ребенка от одного из родителей другому, но для этого нужно или установить факт злостного невыполнения решения суда (п. 3 ст. 66 СК РФ) [9], или же заявить об основаниях ограничения либо лишения родительских прав родителя, с которым проживает ребенок.

«Родитель может предполагать риски для безопасности ребенка не только в конкретных и быстро проходящих событиях, для реагирования на которые в основном и предназначены программные средства родительского контроля, но в целом в той обстановке, в которой ребенок, в силу возраста не способный самостоятельно защитить свои интересы, проживает и воспитывается (точно так же, как и родитель, с которым этот ребенок постоянно проживает, может испытывать аналогичные опасения при общении ребенка с другим родителем). Неблагоприятное воздействие на ребенка – особенно если оно осуществляется в домашних условиях – отличается высокой степенью латентности, с одной стороны, и высокой степенью опасности отдаленных последствий, обусловленных влиянием как на физическую неприкосновенность ребенка, так и на его формирующуюся психику, в том числе если имеет место длительное (систематическое) невыполнение одним из родителей обязанностей по воспитанию ребенка или использование недопустимых методов такого воспитания, с другой стороны» [9].

Учитывая именно фактическую разлученность ребенка и одного из родителей мы признаем обоснованной целесообразность установить в СК РФ дополнительные гарантии осуществления родительских прав тем из родителей, который проживает отдельно от ребенка. В связи с этим полагаем необходимым дополнить статью п. 1 ст. 61 СК РФ, изложив его в следующей редакции: «Родители имеют равные права и несут равные обязанности в отношении своих детей (родительские права), в том числе и при раздельном проживании ребенка с одним из родителей».

Конечно же, соответствующая позиция КС РФ может быть воспринята большей частью родителей как сигнал к активному использованию различных программных средств родительского контроля, дабы обеспечить доказательства заявляемых впоследствии требований, связанных с осуществлением родительских прав при раздельном проживании одного из родителей с ребенком. Для науки

семейного права, как уже было отмечено, озвученная позиция КС РФ и ее аргументация позволяют расширить сложившиеся в теории представления о содержании родительского правоотношения при существовании такой модели семьи.

Кроме того, полагаем необходимым обратить внимание и на отдаленные правовые последствия как надлежащего, так и ненадлежащего осуществления родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка. Как уже было отмечено, взаимодействие ребенка и родителя, с которым он проживает раздельно, обычно (напомним, что мы рассматриваем ситуации, сопровождающиеся решением суда или заключенным соглашением родителей о порядке общения) складывается в режиме встреч в соответствии с утвержденным графиком, выплаты алиментов, что вполне может сопровождаться и вступлением каждого из родителей в брак, то есть созданием новой семьи. В связи с этим ребенок фактически становится членом двух разных семей, что, как правило, исключает тесную эмоциональную связь между ребенком и каждым из родителей, между родителями в части решения вопросов, связанных с воспитанием и содержанием общего несовершеннолетнего ребенка, и т. д. Более того, у ребенка могут сложиться весьма тесные эмоциональные отношения с новым супругом родителя (отчимом или мачехой), что в принципе снизит потребность в общении с родителем, проживающим отдельно.

Справедливости ради отметим, что многие родители, проживающие отдельно от ребенка, выполняют «необходимый минимум» родительских прав, что как правило заключается в выплате алиментов. Можно ли при таких обстоятельствах впоследствии утверждать о неисполнении таким родителем своих прав и обязанностей надлежащим образом? Иначе говоря, фактическое устранение от личного участия в воспитании ребенка, безразличное отношение к процессу взросления несовершеннолетнего, пусть даже и сопряженное с редкими встречами и отсутствием конфликтов, может ли это в будущем свидетельствовать о ненадлежащем осуществлении родительских прав или даже об уклонении от исполнения родительских обязанностей? Данные вопросы представляются нам тоже значимыми с целью теоретического обоснования специфики содержания родительского правоотношения при раздельном проживании ребенка и одного из родителей.

Приведем еще один пример современной судебной практики. Так, О.Н. Назаренко в июне 2022 г. обратилась в суд с иском к А.Ю. Назаренко о лишении права на меры социальной поддержки как родителя при гибели военнослужащего [10]. Обосновала свое требование она следующим: в браке с ответчиком она состояла до декабря 2002 г., в браке родился сын А. Назаренко. К сожалению, сын погиб 21.05.2022 г. при исполнении обязанностей военной службы при

выполнении боевых задач в ходе специальной военной операции. О.Н. Назаренко полагает, что ее бывший муж должен быть лишен права на получение выплат, связанных с гибелью сына, поскольку при жизни последнего А.Ю. Назаренко уклонялся от исполнения обязанностей родителя, «с ребенком практически не общался, не занимался его воспитанием, материально не содержал, судьбой сына не интересовался, не предпринимал каких-либо мер для создания сыну условий жизни, необходимых для его физического, духовного и нравственного развития».

Было установлено, что в 2008 г. О.Н. Назаренко предъявила в суд заявление о взыскании с А.Ю. Назаренко алиментов на содержание сына. На основании выданного судебного приказа ответчик выплачивал истцу алименты в размере 600 рублей в месяц, в дальнейшем – 1 200 рублей в месяц, не оказывая сыну иной помощи.

Ссылаясь на изложенные выше основания, О.Н. Назаренко просила суд лишить ответчика права на получение соответствующей страховой суммы, единовременного пособия, предусмотренного Федеральным законом от 07.11.2011 г. № 306-ФЗ [3], а также единовременной выплаты, установленной Указом Президента Российской Федерации от 05.03.2022 г. № 98 [4]. Усть-Джегутинский районный суд Карачаево-Черкесской Республики исковое заявление матери погибшего удовлетворил, апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Карачаево-Черкесской Республики это решение было отменено, а новым решением в удовлетворении иска было отказано.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РФ пришла к выводу, что судебными инстанциями были допущены существенные нарушения норм материального и процессуального права. Безусловно, исходя из цели настоящего исследования, нас интересуют нормы материального права, толкование и применение которых оказалось различным по содержанию в судебных инстанциях по делу О.Н. Назаренко.

Итак, что же послужило основанием для удовлетворения иска судом первой инстанции? Суд сослался на положения СК РФ о равенстве прав и обязанностей родителей, об осуществлении родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка, на разъяснения Пленума Верховного Суда РФ о применении законодательства при лишении родительских прав [8] и пришел к следующим выводам:

– лишение родителя права на получение соответствующих выплат в связи с гибелью сына, являвшегося военнослужащим, возможно при наличии обстоятельств, которые могли бы быть основанием для лишения этого родителя родительских прав, в том числе в случае злостного уклонения отца от выполнения своих обязанностей по содержанию и воспитанию ребенка;

– уклонение родителя от исполнения своих обязанностей может выражаться в отсутствии заботы о здоровье ребенка, о физическом, психическом, духовном и нравственном развитии, об обучении.

Возражая против иска, ответчик заявил, что у него отсутствовала задолженность по выплате алиментов на содержание сына, он не был лишен родительских прав. Однако эти доводы были отклонены судом с указанием на то, что «выплата алиментов в незначительной сумме и факт того, что ответчик является биологическим отцом погибшего сына, не лишенным родительских прав, не свидетельствует о его участии в воспитании сына». Суд установил, что семейные связи между ответчиком и его сыном были утеряны, а вышеизложенные выводы послужили основанием для удовлетворения иска Назаренко О.Н.

Суд апелляционной инстанции, наоборот, подчеркнул, что лишение права на получение соответствующих выплат возможно лишь в том случае, если бы ответчик, отец погибшего военнослужащего, был бы лишен родительских прав.

Кроме того, на этом уровне было подчеркнуто, что А.Ю. Назаренко выплачивал алименты до совершеннолетия сына, к административной или уголовной ответственности за неисполнение родительских обязанностей не привлекался.

Особого внимания, по нашему мнению, заслуживает следующее: при рассмотрении дела судом первой инстанции не были опровергнуты доводы ответчика о том, что его взаимоотношения с истицей отразились и на взаимоотношениях с сыном, в связи с чем он интересовался жизнью сына через родственников, общался с сыном в социальной сети (соответствующие доказательства есть в материалах дела).

Данный пример наглядно демонстрирует обозначенную нами проблему: какие критерии позволяют оценивать осуществление родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка, как надлежащее или наоборот? Отец выплачивал алименты, с сыном, очевидно, не имел возможности общаться лично, поскольку сложились сложные отношения с бывшей супругой и т.д. Кроме того, по прошествии стольких лет, учитывая печальные обстоятельства, исключена возможность получения информации непосредственно от ребенка.

Судебная коллегия Верховного Суда РФ, ссылаясь на постановления КС РФ от 17.07.2014 г. № 22-П, от 19.07.2016 г. № 16-П, отмечает также, что предусмотренные законом выплаты имеют целью «не только восполнить связанные с этим материальные потери, но и выразить от имени государства признательность гражданам, вырастившим и воспитавшим достойных членов общества – защитников Отечества» [6, 7].

Именно поэтому, считает Судебная коллегия, «круг лиц, имеющих право на получение мер социальной поддержки в случае гибели

(смерти) военнослужащего при исполнении обязанностей военной службы, среди которых родители такого военнослужащего, не исключает различий в их фактическом положении и учета при определении наличия у родителей погибшего военнослужащего права на меры социальной поддержки ... и имеющихся между ними фактических родственных и семейных связей» [6, 7].

Можно лишь предположить, какое в итоге будет принято решение по заявлению О.Н. Назаренко. Безусловно, Верховный Суд Карачаево-Черкесской Республики учтет все замечания, отмеченные в определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ.

Кстати, по аналогичному делу Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ уже выражала свою позицию. Так, И. обратилась в суд с иском о лишении Т. права на получение пособия в связи с гибелью их общего сына, являвшегося военнослужащим. Факт уклонения отца от исполнения родительских обязанностей был дважды подтвержден приговором мирового судьи о признании гражданина Т. виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 157 УК РФ (в 2008 и 2013 гг.). Кроме того, в судебном заседании мать заявила, что отец не поддерживал никаких родственных связей с сыном, не интересовался жизнью сына и не занимался его воспитанием до совершеннолетия, алименты не выплачивал, иной материальной поддержки не оказывал. Основываясь на том, что отец погибшего военнослужащего не был лишен родительских прав, суд первой инстанции отказал И. в удовлетворении иска, что поддержал и суд апелляционной инстанции. Однако Судебная коллегия Верховного Суда РФ посчитала такой подход к разрешению спора неправильным, поскольку нормы материального права были неверно истолкованы и применены судебными инстанциями: « ... имеющими значение для правильного разрешения спора по иску И. о лишении Т. права на получение единовременного пособия и страховой суммы в связи с гибелью при исполнении обязанностей военной службы сына А. являлись следующие обстоятельства: принимал ли Т. какое-либо участие в воспитании сына А., оказывал ли ему моральную, физическую, духовную поддержку, содержал ли несовершеннолетнего сына материально, включая уплату алиментов на его содержание, предпринимал ли Т. какие-либо меры для создания сыну А. условий жизни, необходимых для его развития, имелись ли между Т. и сыном А. фактические семейные связи» [11]. При этом судебная коллегия подчеркнула, что лишение права на получение мер социальной поддержки в виде единовременного пособия и страховой суммы в связи с гибелью военнослужащего возможно при наличии обстоятельств, которые могли бы служить основаниями к лишению родителей родительских прав, в том числе в случае злостного уклонения родителя от выполнения своих обязанностей по воспитанию и содержанию ребенка [11].

Заметим, в данном случае есть два приговора, подтверждающих злостное уклонение отца от выплаты алиментов на содержание несовершеннолетнего ребенка, что является безусловным доказательством злостного уклонения родителя от выполнения своей обязанности по содержанию ребенка. Согласимся, этого вполне достаточно было бы для лишения Т. родительских прав, в связи с чем вполне справедливым является и лишение данного отца права на получение выплат, связанных с гибелью сына при исполнении обязанностей военной службы.

Приведенные нами суждения по поводу существующей практики рассмотрения судами споров между родителями, проживающими (проживавшими) отдельно от ребенка, придают совершенно иное звучание вопросу о содержании родительского правоотношения при раздельном проживании ребенка с одним из родителей. Квалификация осуществления родительских прав таким родителем как ненадлежащего может стать основанием для лишения его впоследствии, даже после достижения ребенком возраста совершеннолетия, отдельных прав, основанных на факте родства с ребенком. При этом формальное подтверждение исполнения этим родителем обязанности по выплате алиментов на несовершеннолетнего может иметь совершенно иную степень значимости при рассмотрении спора судом, нежели отсутствие тесной эмоциональной связи с ребенком, постоянной заботы о его развитии, участия в воспитании ребенка.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Федеральный закон от 07.11.2011 г. № 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Указ Президента РФ от 05.03.2022 г. № 98 «О дополнительных социальных гарантиях военнослужащим, лицам, проходящим службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации, и членам их семей» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18.01.2024 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 137 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина П.О. Вильке» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.07.2016 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 7 Закона Российской Федерации "О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной

противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации, и их семей" в связи с жалобой гражданина В.Н. Карпекина» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.07.2014 г. № 22-П «По делу о проверке конституционности части 11 статьи 3 Федерального закона "О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат" в связи с жалобой гражданки Г.Н. Куликовой» // СПС «КонсультантПлюс».

8. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14.11.2017 г. № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» // СПС «КонсультантПлюс».

9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.05.1998 г. № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» // СПС «КонсультантПлюс».

10. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 22.01.2024 г. № 30-КГ23-9-К5 // СПС «КонсультантПлюс».

11. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2020), утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 23.12.2020 г. // СПС «КонсультантПлюс».

12. Зубарева О.Г., Маевская М.В. Реализация принципа равенства родительских прав и обязанностей в условиях раздельного проживания родителей в Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2021. № 4. С. 3–7.

13. Зыков С.В. Осуществление права отцовства в современной России: правоприменительные и законодательные препятствия // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 3. С. 44–71.

14. Ильина О.Ю., Русаковская О.А., Туманова Л.В. Некоторые психолого-юридические вопросы обязательного учета мнения ребенка, достигшего возраста десяти лет, при рассмотрении судами споров о его воспитании // Психология и право. 2022. № 3. С. 27–38.

15. Тригубович Н.В., Хазова О.А., Чашкова С.Ю., Чефранова Е.А. О Концепции совершенствования законодательства, регулирующего отношения детей и родителей // Закон. 2022. № 1. С. 28–38.

Об авторе:

ГРИНЕВА Анна Владимировна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (305040, Курская область, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94), SPIN-код: 2936-2603, annagrין@rambler.ru

ON THE SPECIFICS OF THE CONTENT OF THE PARENTAL LEGAL RELATIONSHIP WHEN A CHILD RESIDES SEPARATELY FROM ONE OF THE PARENTS

A.V. Grineva

Southwest State University, Kursk

The author examines the parental legal relationship when a child resides separately from one of the parents, focusing on the content of the parental rights and responsibilities of each parent. The author especially emphasises the legal consequences of improper exercise of parental rights and responsibilities by each parent. The scientific novelty of the study is confirmed by a fundamentally new approach to the study: in contrast to the position of most scientists, the author for the first time identifies and substantiates the specifics of the content of the parental legal relationship under such social circumstances in the context of the legal consequences of the living separately from one of the parents. In addition, basing on modern law enforcement practice the author concludes that the separation of one of the parents from the child and the incomplete exercise of parental rights may become the basis for depriving this parent of certain rights based on the fact of kinship with the child.

Keywords: *parental legal relationship, parent who resides separately, exercise of parental rights, deprivation of individual parental rights.*

About author:

GRINEVA Anna – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Civil Law of the Southwest State University (305040, Kursk region, Kursk, st. 50 years of October, 94), SPIN-code: 2936-2603, annagrin@rambler.ru

Гринева А.В. О специфике содержания родительского правоотношения при раздельном проживании ребенка с одним из родителей // Вестник ТвГУ. Серия: право. 2024. № 1 (77). С. 7–19.

Статья поступила в редакцию 10.02.2024 г.

Подписана в печать 14.03.2024 г.